

1. 1. 1. 1. 1.

Annotation

Книга «Заметки о жизни» вышла в издательстве Фаскелля в 1899 году, спустя три года после смерти Доде.

В предисловии к ней Юлия Доде писала: «На протяжении всей своей жизни Альфонс Доде никогда не публиковал своих разрозненных мыслей: он записывал их от случая к случаю, по вдохновению, а вдохновить его могло случайно услышанное слово, вскользь брошенное замечание. Порой он заносил их в особые тетради, но чаще — в те же самые, в которых набрасывал конспекты глав романов; они написаны на полях, либо поперек текста или обложки. И часто эта беглая заметка — всего одна строчка, пересекающая находившуюся в работе книгу, — была первой идеей, зародышем будущей книги... Те мысли, которыми он воспользовался, он вычеркивал, вымарывал толстым красным или синим карандашом... Я собирала другие, оставшиеся нетронутыми и ни с какой книгой явно не связанные...»

В наше издание включено большинство заметок из первой части: они сделаны в разные годы, с 1868-го и кончая годом смерти писателя. Заметки, связанные с поездкой в Лондон, в Венецию, со смертью Эдмона Гонкура в Шанрозе, а также записи снов и наброски будущей книги «Караван» в него не вошли. На русский язык «Заметки о жизни» переводятся впервые.

- [Альфонс Доде](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Альфонс Доде

Заметки о жизни

Все наше достоинство состоит, следовательно, в мысли. Мы должны исходить именно из мысли, а не из пространства и времени, которые нам все равно никогда не охватить.

Паскаль.

Homo duplex, homo duplex! Я впервые заметил свою двойственность после смерти брата Анри, когда отец драматическим тоном воскликнул: «Он умер, умер!» Мое первое «я» плакало, а второе размышляло: «Какой естественный возглас! Как он был бы хорош на сцене!» Мне было тогда четырнадцать лет.

Эта страшная двойственность много раз наводила меня на размышления. Беспощадное второе «я»! Оно неизменно бодрствовало, когда мое первое «я» действовало, жило, страдало, неистовствовало! Мне никогда не удавалось ни опьянить, ни растрогать, ни усыпить этого двойника.

А какой он наблюдательный! И какой насмешник!

Одной женщине: ваши глаза хорошо пахнут — фиалками.

Как отчаянно должны скучать прилагательные, веками соединенные с одними и теми же существительными! Плохие писатели не хотят этого понять: они думают, что разъединять спаренные слова не разрешается. Кое — кто пишет, не краснея: «Вековые деревья, мелодичные звуки». В слове «вековой» нет ничего плохого, но попробуйте соединить его с другим существительным: «вековые мхи», «вековые сады» и т. д. Видите, они хорошо поладили.

Короче говоря, эпитет-возлюбленный, а не законный муж существительного. Между словами должна быть временная связь, но отнюдь не супружество на веки вечные. Вот что отличает истинного писателя от всех прочих.

Я люблю сравнивать так называемую философию с канцелярией министерства. Каждый новый начальник по-своему наводит порядок:

перекладывает бумаги, папки, словом, занимается классификацией. Вот и все.

Кто уходит из министерства, тот ничего с собой не уносит; кто приходит, тот ничего не приносит. Говорят об улучшениях, о реформах. Не верьте. Разница попросту в классификации. Всякий новый философ, который дает толчок нашей мысли, лишь иначе систематизирует познания, чем его предшественник. Классификация, приведение в порядок, а иногда и в беспорядок.

Некоторые из них, как, например, Прудон, рвут все бумаги, уничтожают картотеки, выбрасывают мебель в окно... и стоят посреди пустой канцелярии — им даже не на что сесть.

Есть в жизни странные минуты протрации или, быть может, особой зоркости, когда все предметы, идеи, вещи, люди предстают перед нами как бы сами по себе, вне зависимости от времени, пространства, условий жизни... В эти мгновения иные слова вырастают до чудовищных размеров. Уже несколько раз слово «смерть» являлось мне в образе огромной черной дыры, глубиной в тысячу миль, куда я вполне мог бы заглянуть. В такие мгновения прохожие на улице кажутся неопишимо смешными-безумные души, видимые сквозь туман. Я терял даже ощущение своей личности, отходил от себя и наблюдал свои действия со стороны. Однажды при мысли, что меня зовут Альфонс Доде, я не мог удержаться от смеха.

Педанты, на обязанности которых лежит просвещать детей, вечно забывают, что *изучить* вовсе не значит *постичь*. Сколько преподавателей чувствуют латынь? Многие знают ее, но очень немногие чувствуют. Я постоянно вспоминаю знаменитое: *Quadruped ante putrem sonilu quatit...*^[1]

Нам приводили эту фразу как пример звукоподражания, и учитель убедил меня, что ее не отличишь по звучанию от лошадиного галопа.

Однажды мне пришлось в голову напугать мою сестренку, очень боявшуюся лошадей; я подошел к ней сзади и крикнул: *Quadrupedanie putrem sonilu...* и т. д. И что же? Малютка несколько не испугалась.

У чувств есть двери для взаимной связи, у искусств — также.

У ребенка нескольких дней от роду и у старика перед смертью одно и то же дыхание — слабое, учащенное.

Меня спросили, не думаю ли я, что мораль Лафонтена вредна. С таким же успехом можно было бы спросить, полезно ли для желудка пюре из лилий или жаркое из жасмина. Лафонтен создан, как и жасмин, для того, чтобы его вдыхали; он хорошо пахнет, но несъедобен.

Над сколькими частными библиотеками можно было бы приклеить ярлык, как на аптечных склянках: «Для наружного употребления!»

Видел однажды в Вогезах над еловым лесом очаровательный буковый лес, весь розовый; половина листьев бледно-зеленая, другая — красная; очень красиво.

— Эти деревья обречены, — сказал мне лесничий, — их поедает жук-долгоносик: каждое красное пятно — погибший лист.

Совсем как молодые чахоточные, у которых яркий румянец появляется за несколько дней до смерти.

О писателе, который работает регулярно изо дня в день, как ремесленник, — «бесшумная швейная машина».

Нашел у Сенеки прекрасную мысль:

«Честолюбцы подобны собакам, которым кидают куски мяса: они хватают их на лету и, разинув пасть, вытянув шею, вечно ждут следующего куска, а получив, проглатывают, не смакуя и даже не ощутив вкуса. — ненасытные».

Другая мысль Сенеки: «Слава всегда шагает с талантом (*virtus*) — она его тень».

Но, как и наша тень, она зависит от положения солнца: иногда она шагает впереди нас, а иногда идет позади.

О М.: прекрасная голова, но без руля.

О А.: его глупая душа любит лирические излияния.

Страдание всех уравнивает — и старых и молодых.

Когда хотят, чтобы соловей хорошо пел, ему выкалывают глаза. Когда бог хочет создать великих поэтов, он выбирает двух или трех и посылает им великие страдания.

Лица у крестьян цвета земли.

Остерегайтесь старых вин: они мелют вздор.

Единственные хорошие короли, которые когда-либо правили Францией, были, готов поклясться, короли-бездельники. *Nihil fecit*,^[2] говорят биографы. Будь я королем, мне бы хотелось, чтобы и обо мне сказали то же самое.

О моем друге Х.: он достиг совершенства в посредственности.

Аналогия: династия Валуа кончилась тремя братьями,^[3] династия Бурбонов тоже.

О В.: пламенная душа в запечатанном конверте.

О Д.: у этого писателя странная смесь фантастики и правды. Если он пишет книгу, основанную на наблюдениях, — исследование буржуазных нравов, вы всегда найдете в ней фантастику, поэзию. И, наоборот, если он создает произведение чисто фантастическое, то даже звезды говорят у него

языком современников. Он, как жаворонок, вечно парит между небом и землей.

Человек выходит из драки с подбитыми глазами. Целятся всегда в глаза. Они наиболее живое, выразительное, дерзкое в человеческом лице. Глаз живет собственной жизнью, привлекает всех, вплоть до малышей, которым всегда хочется запустить в него пальцы.

Читая «Письма путешественника», я думаю о том, что лучшие их страницы были написаны при расставании с Мюссе, это сразу видно — столько в них прелестной, окрыленной фантазии. Здесь пролетела бабочка! Впоследствии, когда дама занимается поэзией одна, она пишет «Дьявол в поле». Это тяжеловесно.

Если ты любим, то других забот тебе не надо.

Видел летним днем трогательную картину — бабочку, заблудившуюся в лучах солнца на площади Согласия. Жара, размягченный асфальт, и среди этой Сахары у самой мостовой порхала бабочка, ища прохладу в каплях воды, упавших из бочки при поливке улицы.

Определения, данные женщиной:

О девушках: три подбородка, глупый вид.

О творчестве Жорж Санд: много воды.

О понедельниках Сент-Бева: пахнет затхлым.

Мнение Наполеона о его солдатах: отрепья.

В своих описаниях природы Тургенев создает впечатление жаркой, пышущей зноем России, полнящейся жужжанием тяжелых, сытых пчел. Мне кажется, на протяжении всего его творчества снег выпадает только однажды.

Полдень — критический час дня. Тридцать лет — критический возраст женщины. До полудня нельзя сказать, будет ли день ясным, до тридцати лет нельзя сказать, будет ли женщина честной.

Он говорил: замыслы рождаются у меня легко, быстро, план книги требует больше времени, пишу же я так медленно, что сам прихожу в отчаяние. У меня слишком много мыслей в голове: огромный, вечно переполненный резервуар, а для стока имеется лишь тонкий, как волос, кран. Замыслы мои велики, творю я вдохновенно. Орел парит в моем мозгу, затем — пфф... и вылетают три колибри.

О Ф.: провансалец с холодными руками.

Самые сухие сердца легче всего воспаляются.

Бывают дни, когда все, что со мной случается, как будто уже случилось раньше, а все, что я делаю, кажется повторением сделанного когда-то давно, во сне или в другой жизни, при стечении тех же обстоятельств.

Некоторые интонации наводят меня на мысль о чем-то уже слышанном, цвета или сочетания цветов — о чем-то уже виденном. Как трудно выразить это так, как я чувствую!

У нас не больше двух-трех первоначальных, основных впечатлений. Все остальное только воспоминания о них — повторные оттиски. Так, первая сосна, которую я увидел, то есть увидел осмысленно, — это сосна в Фонтвьеэле, и теперь все сосны напоминают мне фонтвьеэльскую сосну. Все осенние туманы напоминают мне Бюр и шеврезскую долину. (Развить.)

Для произведений искусства следовало бы иметь «усыпальницы», как в Германии. В них выставляли бы на время произведения, которые считаются мертвыми... и таким образом не хоронили бы живых произведений.

Мы любим вещи, но они не отвечают нам взаимностью. Это несправедливо.

У меня сильно развито чувство смешного. От смешного мне больно, я смеюсь и страдаю. Впрочем, смешное ранит не только меня.

Муж бьет свою жену, потом, обессилев от злобы, восклицает плачущим голосом: «Мерзкая баба! До чего она меня довела!» Как это похоже на дедушку, который устраивал жуткие сцены, а потом просил сварить ему крепкий бульон! Потребность в заботе, во внимании.

Книга называется «Истоки души». Это напоминает истоки Нила — все их открывают, и тем не менее они еще не открыты. Истоки *Nihil*.^[4]

Утешать — это значит претендовать на отплату тем же.

Нет ничего скучнее дорожных знакомств, нет ничего прелестнее дорожных впечатлений. Определенное и неуловимое.

Ох уж эти люди, все высказывающие до конца!.. Жалкие писатели!

Глагол — остов предложения. Мишле часто лишает свои предложения остова, Гонкуры — тоже.

Экспансивный человек не смотрит, куда попадают его изливания. Это значит разбрасываться, а не отдавать себя.

Южане не говорят: «Я люблю его», — они говорят: «Он меня любит! Ах, как он меня любит!»

После моря самое сильное впечатление произвел на меня лес Фонтенебло. Ощущение величия почти одинаковое.

Я видел однажды этот лес осенью. Ба-Брео был весь в золоте под небом черным и таким низким, что, кажется, рукой до него достанешь. Зато лес светился, аллеи вдали пламенели.

Я знаю теперь, что такое северное освещение: предметы как бы сами излучают свет, излучают интенсивно, солнце почти в этом не участвует,

цвета отчетливо разграничены — совсем не то, что на Юге, где все расплылось, где все находится в состоянии брожения. Эти мысли еще не очень ясны, но я чувствую, что начинаю понимать: на Юге свет — на поверхности предметов, на Севере — внутри них.

Мое внимание обратили как-то на провинциализм Бальзака, открывшего высший парижский свет: он описывает светское общество, которого никогда не видел, как восхищенный провинциал. В наши дни это общество, быть может, и существует, но лишь потому, что жизнь скопировала роман; это случается не так редко, как принято думать.

По всей вероятности, вот как все произошло: Россия, где Бальзак имел наибольший успех, стала подражать парижским нравам по его книгам; потом эти нравы привились там и вернулись во Францию (подобно комедиям Мюссе), мы же их признали и переняли; теперь установился живой обмен.

Сюжет забавной комедии, заглавие которой я упомянул в другом месте: «Соседний дом». Люди все время порицают то, что делается в соседнем доме, а сами поступают так же.

Пусть произведение будет художественным, и пусть не чувствуется рука автора!

Возраст от одиннадцати до тринадцати лет, время линьки, — возраст противный, глупый, гадкий. Ребенок становится нескладным, неуклюжим, нервным, самоуверенным, голос у него фальшивит и ломается — переходный возраст! А ведь эта пора наступила и в литературе.

В музыке Шопена все стремительно, все закруглено, приукрашено, напоминает позумент: прекрасная музыка с черным позументом.

Прибавить к наблюдениям над актерами описание одного из них, приехавшего в свой разрушенный войною дом. Переживания актера были искренни, но казалось, что он играет на сцене: скрещенные на груди руки, высоко поднятая голова, блуждающий взор; затем полуоборот, смахнутая с ресниц слеза и возврат к первой позиции: лицо анфас, взгляд на этот раз гордый, решительный, дрожание левой ноги и чуть слышный припев: «Крепись, мое сердце!» Все было продумано, все было четко, в духе лучших театральных традиций... И хотя горе его было подлинным, как мало оно трогало!

Странная вещь: при виде плохо выраженного, преувеличенного или ложного чувства я всякий раз краснею и опускаю глаза, как будто я сам солгал.

В очерке, который я собираюсь написать о южанине, я приведу многие черты, роднящие его с комедиантом. Уроженец Нима — актер театра Порт-

Сен-Мартен.

Постоянная близость смерти, вид крови и трупов или возвышают, или, наоборот, оскотинивают.

Слова одного зуава после Рейхсгофеиа: «Сколько там было мяса!»

Опасность — опьянение, которое отрезвляет.

Как глупы все батальные картины! Солдаты на них — нечто вспомогательное, слишком много места занимает пейзаж. Битва — это лес, овраг, улица или капустаное поле и дым.

Остроумное обращение Гамбетты к вольным стрелкам, рвавшимся выполнить задание: «Вы еще очень молоды!» Ловкий прием, чтобы самому казаться стариком.

В высшей степени романтический случай произошел в нашем квартале. Одна баварская семья уже несколько лет жила во Франции. Сын, принявший французское подданство, был призван в действующую армию, отцу же, как баварцу, пришлось уехать из Парижа, вступить в ряды ландвера и вернуться в Париж с неприятельской армией.

Каким трусом оказался тот бедняга, который по дороге в Фонтене не решался ни разговаривать, ни останавливаться из боязни стать мишенью для неприятеля! Пруссаки-то ведь стреляли по скоплениям людей!

Трогательный случай — возвращение домой художника Л. Раненный в Мальмезоне, затем взятый в плен, он спустя два месяца без предупреждения вернулся домой. Его жена плакала, была в полном отчаянии. Как-то вечером она слышит на лестнице слабый, тихий голос. Не пригрезилось ли это ей? Выходит с ребенком на руках, наклоняется над перилами и видит Л. с костылями: он сидит на ступеньке, ослабевший, взволнованный, усталый, и плачет от радости. Дивная сцена! Более четверти часа они со слезами смотрели друг на друга, затем так крепко обнялись, что чуть не задушили малыша, а тот ничего не понимал: ему трудно было узнать отца в этом большом человеке с костылями под мышкой.

Приговоренный к смерти! Человек входит в кафе. «Я приехал из деревни», — говорит он и прислушивается к разговору; речь идет о приговоре военного суда над участниками событий 31 октября.^[5] «Что нового?..» — спрашивает вошедший. «Троих приговорили к смерти. Бланки, Флуранса и еще одного». «А как его зовут?» «Так-то». «Ба, да это я!» — говорит человек. Он колеблется, затем ударяет кулаком по столу: «Гарсон, кружку пива!» Однако пива он не допил; озираясь, пожал руки друзьям и ушел.

Монселе в осаде: прекрасное поведение Монселе во время осады

Парижа. Он человек чувственный, лакомка и герой: готов отдать жизнь за отечество, но боится страданий, а главное, боится показаться смешным. Между тем у Монселе есть брюшко, а строевые занятия тяжелы. Он стал упражняться отдельно и овладел оружием, хотя руки у него короткие. Он присоединился к своему отряду только после того, как в совершенстве изучил всю механику, и вызвал всеобщее восхищение и своей выправкой и чудовищным аппетитом.

Невыносимо тяжело слышать про знакомого человека: «Расстрелян». В ушах раздается его крик, видишь его искаженное лицо, видишь судорожное движение сраженного пулей человека, который падает на землю.

Даже в самых кровопролитных сражениях смерть лишь возможный исход, случайность.

Стоя, лежа — два разных взгляда на сражение, прекрасно подмеченных Толстым. Но мне хотелось бы применить этот взгляд к жизни: на нее ведь тоже можно смотреть по-разному, в зависимости от того, смел человек или труслив.

Ложь во спасение! Где-нибудь изобразить в высшей степени драматическое положение честного человека, которого жизнь принуждает лгать, иначе он будет обещен.

— Почему твои песни так коротки?.. — спросили однажды птицу. — Разве тебе не хватает дыхания?

— У меня очень много песен, а мне хочется пропеть их все.

Как все переплетено в жизни! Какая таинственная нить связывает наши души с предметами! Прочтешь в лесу книгу-и воспоминание остается на всю жизнь. Стоит подумать о лесе — и вновь видишь книгу; стоит перечитать книгу — и вновь видишь лес. Я много провожу времени за городом, и для меня заглавия произведений, имена писателей овеяны запахами, звуками, тишиной и прохладой аллей. Так, один из рассказов Тургенева вызывает у меня в памяти вересковую пустошь, тронутую осенью.

В общем, лучшие часы нашей жизни — это те скоротечные мгновения, когда думаешь со слезами на глазах: «Как мне хорошо!» Они так глубоко запечатлеваются в нас, что все окружающее — пейзаж, время — примешивается к воспоминанию о нашем счастье, наподобие водорослей и сломанных кувшинок, которые рыбак вытаскивает в сетях вместе с трепещущей среди них золотой рыбкой.

Сколько бы Шанфлери ни писал романов, он всегда будет автором пантомим: у его действующих лиц есть только жесты.

Я видел рыб, которые, умирая, пять или шесть раз меняли окраску. Агония, богатая множеством оттенков, как закат солнца на Востоке.

Он говорил: «Я всю жизнь старался подавить в себе характер отца, пробуждение которого я ощущал ежеминутно вместе с его капризами, с его вспышками гнева». Испуганный этим сходством, он замечал, что стоит ему поддаться своим врожденным побуждениям, как выражение его лица меняется и становится похожим на отцовское.

Южане-кузнечики: они вечно на людях, вечно поют.

Почему я ощущаю привкус сладострастия и смерти в безумной, страстной музыке Россини? Не знаю. Но его сладострастные звуки неизменно вызывают это трепетное, мимолетное чувство где-то в глубине, в самой глубине моей души!

Продолжаю наблюдения, сделанные над светом моей женой, и мои собственные наблюдения в лесу Фонтенебло.

Интересно видеть, как изменяются цветы моего садика: лица роз бледнеют или вспыхивают в зависимости от состояния неба. На закате, с приближением сумерек дрок загорается и озаряет весь сад: можно читать при его свете. Клумбы с белыми левкоями искрятся, и весь сад сияет, переливается всеми красками, живет за счет собственного света.

Играя Вебера при открытых окнах, в семь часов вечера, в июне, Ж. говорил, что музыка Вебера расширяет пейзаж, что привычная для нас природа приобретает торжественность. Еще о природе: как подходят друг к другу вода и цветы, как цветы любят воду!

Честолюбие любит узкое пространство: высокопоставленного человека, всемогущего выскочку не так порадует грандиозный триумф, как мелкое удовлетворение тщеславия в определенном месте, на углу деревенской улицы, на которой он родился.

Остерегайтесь излишнего артистизма — можете потерять оригинальность.

Три лудильщика идут по дороге, блестя на солнце кастрюлями. Кричат по очереди: «Кому лудить!» Один — негромко, другой — погромче, третий — совсем маленький — писклявым голосом. Удушливая жара, пыльная безлюдная дорога, ни дома, ни деревца, ни кустика. Трогательно!

Бывают невеселые хохотушки.

Симпатические чернила, видимые при свете очага. Моя жена сказала, что ей бы хотелось писать этими чернилами свои книги: их можно было бы читать только при огне, иначе говоря, они были бы доступны только светлым натурам.

Провести параллель: звезды, которые, быть может, угасли миллионы лет тому назад и все-таки продолжают светиться и будут еще светиться в течение веков, — и умерший гений и бессмертие его труда. Кажется, что Гомер поет до сих пор.

Телемак. Молодой человек послан матерью к старому другу, который должен стать его Ментором. Но старик менее рассудителен, чем юноша, и вот Телемак все делает сам и помогает Ментору выпутаться из множества неприятных положений, хотя тот и считает себя человеком опытным.

Какая *alma parens*^[6] земля! С нее сдирают кожу, ее буравят, рассекают, разворачивают; ее ранят острые, как сабли, плуги, беспощадные когти бороны, мотыги, подрывные шашки, мины, ее беспрестанно насилуют, четвертуют. И чем больше ее терзают, тем она становится щедрее и из всех своих открытых ран одаряет нас жизнью, теплом и богатством.

Вставить в цикл «Жены художников»: Игрек, великий носитель лиры, Аполлон, увенчанный лаврами, ждет жену у выхода из театра; он нагружен зонтами, туфельками, мехами.

Нервы; ни убеждений, ни мнений, ни идей — одни нервы. Это они выносят суждения. Но бывают дни, когда нервы этого человека обладают здравым смыслом.

Порой туча набегала на солнце и видна была большая тень, мчавшаяся по равнине, как скучившееся стадо.

Летняя ночь. Теплый ветерок. Звезды дрожали, как слезы, на лике неба. Вдруг глубоко печальный вздох пронесся в ночи; казалось, что оборвалась струна гитары. Вздох затих среди слабееющего запаха лимонных рош. Это был последний вздох латинской расы.

Какая странная штука — дух толпы! Он захватывает вас, увлекает, воодушевляет, приводит в восторг. Невозможно оставаться холодным, невозможно сопротивляться, не делая над собой огромных усилий.

Когда иные поэты пишут прозой, они становятся похожи на арабов, которые верхом на лошади кажутся высокими, изящными, красивыми, ловкими, но стоит НМ спешиться — и они становятся неузнаваемы: скованные, нескладные, обмякшие.

Глупость — трещина в черепе, через которую иногда проникает порок.

У Мендельсона есть песни без слов, которые звучат как голоса на воде.

Был в деревушке Сен-Клер, она поразила меня. Церковь, дом священника, школа, кладбище — все это неразрывно связано между собой. Я представил себе жизнь, которая могла бы пройти вся целиком — от крестин до смерти — в одном и том же месте.

Дни такие длинные, а годы такие короткие!

Есть люди, которые ничего не видят и могут путешествовать безнаказанно для себя. Примечательны слова С., приехавшего из Австралии. На заданные ему вопросы о стране, о ее нравах и т. д. он неизменно спрашивал собеседника: «Угадайте: почему там картофель?»

Воспользоваться нашей местной поговоркой:^[7] «*Cau de carricco, doulou d'oustau* (радость на улице — горе в доме)». Такая поговорка, конечно, должна была родиться на Юге!

Несчастливая страна! Франция играет странную роль в Европе. Темными ночами люди ходят с фонарем, и тот, кто несет его, видит хуже всех остальных. Франция играет в Европе эту опасную роль: она показывает путь другим народам, светит им, но, ослепленная собственным огнем, падает в рытвины, попадает в лужи.

Удачно высмеиваешь лишь те недостатки, которые есть у тебя самого.

Со времени пресловутого изречения Гизо в парламенте стали злоупотреблять словом «презрение». Сколько смешного в нравах Палаты! Какой превосходный роман в английском духе можно было бы написать на основе «Сцен из парламентской жизни»!

Сказать о жалости, которую внушают мне мелкие торговцы, никогда ничего не продающие.

Он утверждал, что сила воли у него есть, только он отбрасывает ее иногда, как тяжелую, стеснительную броню, годную лишь в дни сражения.

Героическое предание.^[8]

Слепой богемский король отдает свое оружие на службу Франции. Узнав о нападении англичан, он велит привязать своего коня к коням сыновей и ощупью колет, рубит. «Ведите меня в гущу врагов, — говорит он сыновьям. — Выполнили мое приказание?» «Да, ваше величество». Он разит направо и налево, затем окликает сыновей; никто ему не отвечает — оба мертвы.

Старая, знаменитые артисты, покорители народов и сердец, прекрасные женщины — все триумфаторы впадают в тоску, в меланхолию заката; об этом я когда-нибудь расскажу.

Те, кого он жалеет, страдают меньше, чем он: ведь его губят несчастья других.

Под конец жизни на престарелого Ливингстона нашла мания странствования. Он шел куда глаза глядят, останавливался где придется, затем вновь пускался в путь, без цели, без компаса. Это был путешественник — лунатик. В области духа старость нашего великого Гюго напоминает мне старость Ливингстона.

Известность мешает, оскорбляет, но иные, лишаясь ее, умирают.

Отмечаю мимоходом тяжелое и комичное положение г-жи Ролан,^[9] признавшейся муж у в своей чисто платонической любви к Бюзо. Горе старого человека, жестокое недоразумение, навсегда испорченная жизнь. И вывод Сент-Бева: «Лучше было бы обманывать мужа и ничего ему не говорить». Я же почувствовал в этом другое: бессознательную месть женщины, которая принесла большую жертву, оставаясь честной, и хочет, чтобы престарелый супруг — помеха ее счастью — страдал вместе с ней.

История — жизнь народов. Роман — жизнь людей.

Разыскал в Н. бывшего художника, обаятельного человека, стройного, бодрого, несмотря на свои восемьдесят лет. Я попросил его перелистать книгу прошлого, стряхнуть пыль с воспоминаний давних лет. Чудные страницы! Давид — одна щека непомерно вздута, каша во рту, он «тыкает» своих учеников, грубит им, требуя правильности рисунка, анатомии пальца, ногтя. Затем Жозефина в Мальмезоне, закутанная, как римлянка, в свои креольские ткани, окруженная заморскими птицами и сказочными цветами, привезенными издалека, мимо вражеских флотилий, которые любезно пропускают корабль с цветами для императрицы. Тальма тоже появляется в речах старца: Тальма в своем поместье возрождает причуды герцога Антенского,^[10] — он переворачивает вверх дном свой парк, вечно залезает в долги и заставляет императора платить их. Все это он рассказывает очень просто, во время коротких остановок в саду, по которому мы ходим мелкими шажками. И неизменно в конце рассказа мой собеседник качает головой и, смотря вдаль, говорит: «Я видел это, видел». Эти слова — как подпись художника в углу картины.

Беседа за столом о первых жилищах человека: округлая форма, придаваемая всем жилищам на свете, даже бобры строят таким образом. Я думаю, что эта форма подсказана деревом и его кроной, оно же навело на мысль о первой колонне, о капители, стрельчатом своде и т. д.

Чисто галльская черта: говоря на лекции по френологии^[11] о склонности женщины к любви, профессор приводит в пример обожавшую его любовницу, которую он тоже страстно любил. Хорошая, чудесная женщина, преданная, нежная! «Ее череп хранится здесь, милостивые государи. Если вам угодно, мы можем его изучить». И-обратившись к слугителю: «На левой полке... номер восемь».

Прелестный тип женщины, страдающей болезненной робостью, из-за которой только близкие знают ее хорошо, знают, что она красива, музыкальна, очаровательна; на людях же она другая, совсем не та. Никто не

мог написать ее портрета, — она становилась невидимой, как только что-нибудь смущало ее, словно вооружалась кольцом Гигеса.^[12] Муж, человек умный, ревнивый, очень счастлив, что жена всецело принадлежит ему, сочувственно улыбается, смотря на других женщин. Противопоставить ей «женщину для всех», — тщеславный муж, показная страсть.

Романы Гонкуров — замечательные зарисовки типов XIX века: служанки, буржуазии и т. д.

Гнев. Он вспыхивает и разъединяет людей, связанных привычкой, кровными, сердечными узами, — отца и сына, двух братьев; ненависть во взгляде, в усмешке. «Я знать тебя не хочу, я убью тебя!» А после сколько слез, сколько объятий, старание все загладить! Это случается, когда обе стороны одинаково вспыльчивы, но если необуздан только один, другой в конце концов утомляется.

Не дать изгладиться впечатлению об втом трио — скрипке, флейте и голосе, которое неожиданно раздалось под моим окном, выходящим на Люцернское озеро, звеня в чистом, влажном воздухе. Итальянская мелодия, божественно легкая, ясный день, мягкие дали — вся моя душа трепетала и уносилась ввысь вместе с песней. Как это было давно! Воспользоваться где-нибудь как отзвуком умершей любви.

Веруют по традиции, по обычаю, из уважения к иерархии. Общественный порядок, вверху бог, внизу человек-пешка.

Охваченный болезненной любовью к драгоценным камням, которую физиологи считают психическим заболеванием, он часами простаивал у витрины ювелира, любясь опалом, околдованный, замороженный его огнями. Потом он стал писать и испытывал такое же наслаждение от слов, он играл ими, заставлял звенеть, сверкать, переливаться и забывал обо всем на свете!

Ах, опыт чувства, как он мешает чувствовать!

Можно ослепить источник, ослепить водный путь, ибо вода с ее блеском, движением наделена такой же жизнью, как и взгляд.

Чем больше я смотрю, чем больше вижу и сравниваю, тем лучше понимаю, что начальные впечатления, впечатления детских лет — почти единственное, что запечатлевается у нас на всю жизнь. В пятнадцать, самое большее — в двадцать лет, *оттиски* готовы. Все остальное — повторные оттиски первого впечатления. Я окончательно убедился в этом, познакомившись с наблюдениями Шарко.

Он ни весел, ни печален — он впечатлителен; отражение времени и жизни.

И смел и труслив в продолжение одного дня, в зависимости от состояния своих нервов.

У некоторых женщин на виду жизнь заполнена светскими развлечениями, суетностью, спортом; даже благотворительность для них — спорт.

Чем дальше к Северу, тем выразительнее глаза, тем меньше в них блеска.

Власть — причастие, которое следует держать в глубине дарохранительницы и показывать лишь изредка.

Один литератор сказал мне в минуту откровенности: «Здравый смысл, пронизательность, жизненная мудрость — все, что во мне есть хорошего, вложено в мои книги, отдано всем добрым людям, у меня же самого ничего не осталось». Воистину так.

И это поэт? В лучшем случае, пехотинец на коне.

Отметить грусть, растерянность моего взрослого мальчика, который стал изучать философию и читать книги Шопенгауэра, Гартмана, Стюарта Милля, Спенсера. Ужас и отвращение к жизни. Доктрина безрадостна, профессор — человек отчаявшийся, разговоры на факультете наводят тоску. Мысль о бессмысленности всего сущего снедает этих мальчишек. Я целый вечер уговаривал, утешал сына, и невольно у меня тоже потеплело на душе.

Ночью обдумывал все это. Хорошо ли так резко просвещать молодежь? Не лучше ли лгать по-прежнему, предоставив жизни развеять иллюзии, убрать одну декорацию за другой?

Отмечу мимоходом пробел, оставленный в моем образовании полным незнанием алгебры и геометрии, а также отрывочным, беспорядочным изучением философии. Отсюда мое отвращение к отвлеченным идеям, к абстракциям, невозможность высказать свой взгляд по любому философскому вопросу. Я умею лишь твердить своим детям: «Да здравствует жизнь!» Это очень трудно, когда меня мучают боли. Мой младший сынишка — ему шесть лет — только и делал за завтраком, что расспрашивал мать, — он верит одной матери, всегда обращается к ней, хочет знать, что такое смерть, душа, рай, как это выходит, что после смерти человека закапывают в землю и в то же время он улетает на небо. Обещанное райское блаженство не тронуло его, единственное, что ему понравилось, — это мысль о жизни вечной. «Вот это мило!»- сказал он и с большим аппетитом съел котлетку.

Самоуглубленное выражение беременной женщины, именно беременной женщины, появляется на лице мужчины, который вынашивает

книгу: тождественность всех явлений созидания.

Резкий, неожиданный, решительный поступок, вроде моего недавнего письма в Академию, — поистине это пробный камень! Надо было видеть лица людей, наблюдать за отражавшимися на них противоречивыми впечатлениями.

Равнодушные люди? Их нет.

Ее первый любовник. Она отдалась на студенческой вечеринке, отдалась глупо, безрадостно, из боязни показаться недотрогой, и даже не посмела сказать, что она девушка.

Написать драму или роман: человек, женившийся на своей бывшей любовнице, делает все возможное, чтобы его супруга была принята в свете. Легкость, с какой женщина забывает о том, кем она была.

Меня поражает, как меняется, как перерождается кое — кто на знакомых под влиянием жизни, людей, успеха или неудачи. Человек, которого я всегда считал прямым, оказался глубоко коварным; меня ошеломила чудовищная жадность одной женщины. Не я ли изменился? Не угасшая ли дружба открыла мне глаза? Нет, все меняется, все преображается. Но что станет тогда с моими пресловутыми *оттисками*? Боже мой, как опасно применять какие бы то ни было формулы!

Когда избираешь жизненный путь, очень важно правильно перевести стрелку. В искусстве полно сбившихся с толку, обезумевших, заблудившихся людей. Сколько апломба вон у того человека, который идет твердым шагом, гордо подняв голову, уверенный в правильности своего пути, и как удивился бы он, узнав, что ошибся в выборе призвания! Музыканты, занимающиеся живописью, литераторы, которые, в сущности, прирожденные живописцы!..

Хорошее заглавие для книги: «Терпят бедствие!» Я расскажу в ней об одном из жизненных кризисов, когда все рушится разом.

Как все ускоряется в конце нашего века! Перемены в обществе — китайские теин. Придерживаться правды, смотреть вглубь.

Признак плохой семейной жизни вопреки светскости супругов и их показной сердечности: за столом всегда бывает какой-нибудь друг, безразлично кто, лишь бы не оставаться вдвоем.

Мужчина и женщина — единоборство. Любовь продолжается до тех пор, пока нет побежденного, пока один из них полностью себя не высказал, пока в книге есть еще интересная страница, пока женщина или мужчина что-то утаивает, физически или духовно.

Какое превосходное антисептическое средство — ирония!

Есть ли на свете человек, голос и походка которого не менялись бы,

как только он остается наедине с собой? О, это хвастовство на бумаге!.. Неужели среди мне подобных я один люблю правду и согласую каждое слово с биением своего сердца?

Я говорил на днях о том, как мало храбрых людей. Надо было сказать: не храбрых. Достоевский подсказывает мне нужное слово — решительных!

Всякая правда, стоит ее высказать, теряет свою несомненность, приближается ко лжи.

Любопытное признание старого актера по поводу его последней роли. Сняв грим, он вернулся к действительности, и его охватил ужас при виде различия обоих миров. Он был так счастлив на сцене!

Заглавие для книги — «Без пустословия!»

Гнев южанина — неистовство.

Папаша Ф. возвращается на ферму с охоты усталый, не солоно хлебавши, изголодавшийся, сердитый! Скандал на кухне: служанки молча суетятся у плиты, а он бранит их за то, что суп не готов. Беснуется, мечет громы и молнии, а в это время забежавший с птичьего двора цыпленок весело и нахально пищит: «Пи-и, пи-и!» Папаша Ф., рассердившись, ударяет цыпленка ногой, и тот полумертвый, отлетает к каменному порогу. Проходящая мимо кошка бросается на цыпленка. Все более и более раздражаясь, папаша Ф. бежит за кошкой: «Брысь, брысь!..» Кошка, не слушая его, спасается с цыпленком в зубах; тогда он хватает оставленное в углу ружье, стреляет в кошку и замирает на месте, подавленный, сразу остывший при виде останков своих любимцев, которых он убил из-за того, что суп был не готов. Взволнованный, расстроенный, он не обедает и, выпив настоя вербены, ложится в постель.

Дрова, огонь и пепел — образ души и тела.

Ипохондрия, следует читать: незнание врачей.

Я думаю о конце света. Логически, по всем человеческим законам, он должен походить на свое начало. Холод, отсутствие топлива, огня. Немногие оставшиеся в живых люди и животные двигаются ощупью в темных пещерах.

Новый мед.

Я работал, открыв дверь в сад, благоухавший над рекой в горячей дымке июньского утра. Влетела, точно мяч, пчела, покружилась, села на чернильницу, потом на пепельницу, полную окурков.

— Здесь ничего нет для тебя, пчелка. Поищи в саду на медвяных цветах и травах!

— К черту старый мед! К черту гиметский мед!^[13] Я делаю новый мед, свой собственный.

И честолюбивая пчела улетела по направлению к кухне и навозной куче птичника.

В вагоне комар старался выбраться наружу и яростно, без устали бился об оконное стекло. Как велика воля к жизни этого крошечного создания! Комар ерепенится, тельце его напрягается, он ударяется крыльями, головой, весь дрожит. И я размышляю: жизнь, всякая жизнь отпущена поровну как крупным, так и мелким животным; Последние быстро сгорают, проводя время в движении, в неистовстве, в погоне за любовью, и проживают за один день сотни лет какого-нибудь неповоротливого толстокожего животного, которое спаривается раз в год и живет, не спеша, среди широких просторов.

Близорукость. Когда я теряю лорнет, мне требуется другой лорнет, чтобы его найти. Образ научных поисков.

Светские преувеличения: все больные должны умереть, все незнакомые люди — злодеи.

В Талейране я вижу южанина, и если Наполеон от меня ускользает, то Талейрана мне хотелось бы описать. Хромой, южанин, испорченность, свойственная XVIII веку, священник.

Он гордец: принимает благодарения, не сказав «спасибо», более того, затаив в душе обиду, злобу.

Последователь, приспешник спрашивает, в какую сторону он должен повернуть, чтобы идти рядом с вами.

Злоключения Боша в двух частях.

Первая часть. Бош, человек не злой, родился безглазым, он делает то же, что и другие, но ничего не чувствует, ничего не видит и становится литератором. Посвящение в писатели. Он рассказывает о своем счастливом детстве на страницах лживой, отвратительной книги. В его голове все искажено; положение ухудшается, когда он пробует наблюдать: он смотрит, смотрит, ничего не видит, несмотря на свои старания, и фразы ложатся у него вниз головой. Как-то раз Бош падает с лестницы, получает серьезный ушиб, но, оправившись, становится гениальным человеком.

Вторая часть. После падения. Потрясающая книга, новое направление, веризм или небулизм. Бош, глава литературной школы, ставит отметки писателям; потом приходит одиночество, озлобление, газеты больше не упоминают о нем. «Теперь ничего не случается», — говорит он. Свирепствует холера, ведутся войны, народы старой Европы пожирают друг друга, а Бош повторяет: «В газетах ничего нет». Жена, дети, все для него — пустое место.

Любимые существа — орудия пытки.

На острове Св. Елены Наполеон прекрасно описал, объяснил все свои деяния. Он гений стихийности, человек сильный, умный, своевольный. Нет и четверти правды во всех его словах.

Южане — суетливость и лень.

Сколько людей, пустых внутри! Кажется, будто видишь дым над крышей, освещенное окно, приближаешься — никого, пусто.

Сиплый, резкий, деревянный, как кваканье лягушки, — вот каким становится голос соловья в июне, когда вылупливаются птенцы. На склоне дня я слушаю щебетание птиц в парке. Кажущийся беспорядок, но на самом деле все слажено, как колесики механизма у башенных часов. Немного внимания — и начинаешь различать породы птиц, их игры, ссоры, приготовления ко сну целыми семействами. Малиновки, как и ласточки, замолкают первые; кукушка вдалеке бодрствует долго — полуночица. В Париже мой дрозд просыпается на заре; с закатом солнца замолкают жаворонки, трясогуски, щеглы, воробьи. Тишина. Потом подает голос козодой, жабы, сова — ночь; почерневшие деревья кажутся еще выше. Возвращаемся, стало свежо.

Люди старятся, но не становятся зрелее.

Перелистываю страницы тридцатилетней давности — мысли, путешествия, прогулки, пейзажи. Так и кажется, что эти куски своей жизни я видел во сне. Они пригрезились, не пережиты.

Спина лишь потому так выразительна, что никого не опасается, — она не думает, что за ней наблюдают.

Чтобы у знать человека, надо видеть, как он стреляет.

А когда все бывает сказано... начинают сызнава.

Запишу мимоходом душераздирающее и комичное признание X.

Он изменял жене, затем, брошенный любовницей, снедаемый угрызениями совести, почувствовал потребность все открыть обманутой, исповедаться ей. Я отговаривал его: «Лучше вырой яму и поведай ей о своем проступке, если у тебя нет сил молчать. Зачем огорчать близкого человека? Жена тебя простит, но признание не даст ей покоя, и ты все время будешь это чувствовать». И тут я подумал о мужьях, которые, женившись, рассказывают супруге о своих былых увлечениях. Жена ничего не говорит, ее глаза раскрываются, она слушает, любопытная, взволнованная. Неосторожный! Вот ты увидишь, как это обернется!

О застенчивости: женившись, он напивался, чтобы осмелиться разговаривать с женой или по крайней мере выглядеть перед ней мужчиной.

В вагоне. Жена стрелочника только что попала под поезд; она лежит на

соседних путях, молодая, ее густые черные волосы разметались. Вечером возвращаемся с обратным поездом, муж стоит у порога с флажком и, рыдая, прижимает платок к глазам. Двое маленьких детей

564 играют возле домика, и погребальный свет в окнах буравит наступившие сумерки.

Прочел дневник поэта: у великого Виньи, раба слова, бывают гениальные озарения, но пишет он о них тяжело, с трудом; ясный ум, запинаящаяся рука.

Материнство: в Париже скоро не будет женщин-матерей. О большинстве светских девушек врач говорит родителям: «Не выдавайте ее замуж или пусть избегает беременности».

Отмечаю интересную подробность, взятую из писем Жакмона: за несколько дней он стал близким другом холодных англичан и сумел вырвать у них множество интимных признаний, хотя они никогда не говорят об этом между собой. Скольких радостей лишают себя люди, отказываясь выразить в словах любовь, нежность!

Внизу — дорога, канал реки Дурансы, мельницы, горбатые каменные мостики, ручей в тени платанов, стволы которых словно побелены известью, несколько кафе в зажиточной части города, отель «Север», отель «Лондон», стены строящейся школы. Выше — село, карабкающееся по крутому склону, старые дома, резные железные балконы, дверь в стиле Ренессанса, изъеденные временем колонны, фронтоны, металлический герб нотариуса. Еще выше — первобытная деревушка, узкие улочки, обвалившиеся дома, навоз, нечистоты; то тут, то там арочный свод, галерея; старухи с лицами под цвет камня сидят на стертых ступеньках. Над деревней — полуразрушенная башня замка, окна которой смотрят в пустоту. Дальше — гора, часовенки по краю каменистой, извилистой дороги, а на самом верху — новый монастырь, воздвигаемый возле развалин феодального замка, умершего у его ног, — церковь, вступившая в единоборство с современным миром. Это — Оргон. Записанная на здешних камнях, история оживает, и она не лжет, не разглагольствует, — это подлинная история.

Вновь ощутил всю сладость Прованса во время своей последней поездки в Кавайон. Сцена из «Декамерона»: на ферме в тени широкого соломенного навеса женские чепцы. Фермер и фермерша серьезно слушают разговор о возникновении Прованса, Марсея, Карфагена, Рима, Галлии.

В Сен-Реми. Остатки античного мира. Серое небо, серые камни,

божественный пейзаж в полукружии гор, широко раскинувшиеся дали. Солнечные блики на далеких колокольнях, видимых с фантастического расстояния. Сосновая аллея ведет к старому дому, таинственному владению, возникшему на повороте белой дороги, — наглухо затворенные ворота, желтые ставни, высокая каменная ограда, окаймленная кружевной зеленью. «Пойдем посмотрим». Из-за ограды доносится время от времени вопль человека — голос нездешний, он принадлежит северянину. Мне тотчас же приходит в голову, что это больница, дом для умалишенных! Спрашиваем встречного крестьянина, — да, вто так. Когда крестьянин удаляется, мы молча смотрим друг на друга, испуганные, грустные. Внезапно все вокруг изменилось, и этот прекрасный пейзаж навсегда запечатлется в моей памяти, нереальный, как сновидение, пронизанный однообразным, почти животным криком. В первый раз, когда я услышал рыкание льва в Матматасе, в наступивших сумерках, я испытал то же ощущение — я присутствовал при неожиданной смене декораций. И я снова и снова повторяю: все в нас самих!

Дуэль на лугу конного завода. Зеленая холмистая местность, обнесенная деревянным забором, через который пришлось перелезть. Лошади резвятся на свободе и подбегают к людям — те гонят их прочь. Посреди пастбища — небольшая конюшня, вокруг нее утоптанная желтая земля; на этой-то площадке, не шире палубы парохода, и происходит поединок. Припоминаю две фигуры — современную и средневековую, — дерущиеся на шпагах; противники преследуют друг друга, кружат возле домика; слышатся испуганные крики врачей, а мы наблюдаем за этим неистовством, за этой дракой бешеных псов. Небо чистое, удивительное, и вдруг я чувствую всю нелепость людской суеты, все убожество наших ужимок, жестов, воплей; человеческая злоба предстает передо мной во всей своей низости, бесполезности, безобразии. Ребячество, ребячество! И я окончательно убеждаюсь, что человек старится, покрывается морщинами, седеет, теряет зубы, но остается ребенком.

Растерянность человека в решающие минуты, требующие от него немедленного действия. Поступит ли он как храбрец или как трус? Можно ожидать и того и другого. Как все это туманно!

Превращения П. Д. Никакой индивидуальности, постоянно играет роль. Все перепробованные им профессии были для него, как говорят в театре, подлинными амплуа. Я видел, как он играл роль коммерсанта под американца, торопливого, неумолимого, грубого *time is money*; ^[14] он был и гонщиком на автомобиле, который опрокидывается на поворотах и грозит раздавить людей, и циничным представителем богемы в шляпе рыночного

грузчика, в широких штанах и с огромной дубиной, которой он угрожающе размахивал. Ни одно амплуа так хорошо ему не подходило. И стал наконец старым мелким рантье, в длинном, как у домовладельца, сюртуке-опирается на палку с набалдашником из пожелтевшей слоновой кости и нюхает табак из большой платиновой табакерки. Ничего за душой — комедиант: не живет, а играет роль.

Красота, вечно красота! И, однако, вспышка желания у женщины, сила жгучей ласки, страстный взгляд увлекают нас больше, нежели красота.

Говорят, думают, пишут — три разных состояния, три разные стороны одного и того же явления.

Я говорю: «Г-жа Х.- девка. С ней жил весь Париж».

Я думаю: «Можно ли утверждать это в наш век сплетен и злословия?»

Я пишу в письме или в статье о той же г-же Х.: «Очаровательная женщина, умная, добрая, в высшей степени порядочная».

И я не считаю себя лжецом!

Да, Гете прав: Отелло не ревнивец, он наивный, страстный простака. У Отелло был приступ ревности, но в душе он не ревнив. Иначе-я говорю это уже от себя — Яго был бы бесполезен. Все гнусные наветы Яго ревнивец Отелло изобрел бы сам. Он стал бы отравителем собственной души, злым, тонким, изощренным, страшным, оставаясь в то же время вполне честным человеком, героем.

Изречение Наполеона: у каждого человека своя осадка. Но он не сказал, как меняется эта осадка в зависимости от времени и обстоятельств.

Я не думаю, чтобы в истории было что-нибудь более необычайное, чем случай с епископом Агрским, который сопровождал вандейскую армию, благословляя ее знамена, орудия и служа благодарственные молебны. Из секретного послания папы становится известно, что епископ — самозванец, таких священнослужителей среди духовного воинства нет. Как быть? Предать дело огласке? Не решаются — что скажут крестьяне? Да и как лишиться влияния «епископа»? И тот по-прежнему сопровождает армию, благословляет, причащает, совершает богослужения, грустный, но покорный судьбе, так как чувствует, что разоблачен: генералы и священники не разговаривают с ним, хотя и воздают ему почести на людях.

Кто был этот человек? Говорили, что он шпион Робеспьера, но того гильотинировали якобинцы. Я полагаю, что скорее всего это честолюбивый неудачник, священник-авантюрист, наделенный пылким воображением!

Написать драму в духе «Лореизаччо», вывести в ней Максимилиана.

Криспи,^[15] переодетый туристом, объезжает Палермо, Катанию и т. д., посещает музеи, соборы, что-то записывает, стараясь сбить с толку

полицию. И в то же время ведет наблюдения за казармами, за складами боевых припасов. Какой интересный рассказ можно написать: лицо и изнанка!

Разгорается пламя! Я думаю о страсти и ее всепоглощающей силе. «Я от нее застрахован», — говорит спокойный толстый человек. Невозможно застраховаться от страсти, роковой, настоящей. Страсть — пожирательница, и человек отдает ей на съедение всего себя и тех, кого он любит: мать, жену, детей. Радует, принося эти жертвы, и в то же время жестоко страдает. Тайна страсти — сложная патология.

Бодлер — квинтэссенция Мюссе.

Верлен — вытяжка из Бодлера.

Меня поражает отсутствие разнообразия, оригинальности в низах общества, на дне, где гнездятся порок и преступление. Ничего яркого, грязь, тина; люди погружаются в нее, теряются, исчезают, утрачивая человеческий облик.

Герои зла. Преступление требует порой не меньше энергии, храбрости, ума, воли, чем героический поступок. Для преступления и подвига природа черпает жизненные силы из одного и того же источника и берет клинки одинаковой закалки из одного и того же арсенала.

За последние месяцы я охладел к Монтеню: его заменил Дидро. Как любопытно это духовное непостоянство, эти мелкие библиотечные драмы, измены в гареме интеллекта! Мой разум — страстный, но очень капризный паша.

Родился негодяем, стал анархистом.

Передовым писателям нужен особый темперамент, они должны дерзать, делать вылазки, допускать любые вольности и иметь вдоволь оружия, больше, чем у главных сил пехоты и кавалерии.

Этой ночью мне пришла в голову мысль о пьесе — серии картин, изображающих историю семьи с ее наследственностью: болезнями, уродствами, пороками, маниями, а также о прологе в костюмах Людовика XIV, герой которого повторил бы через сто лет жизнь своего двойника-предка. Условное название пьесы-«Семейство X., или Наследственность». Можно было бы вывести параллельно младшего сына, прозванного домашним Шевалье. Впоследствии он отказался бы от отцовского имени и титула и основал бы буржуазную династию Шевалье.

Семья — отражение государства. В настоящее время французская семья демократизировалась. Некогда она была деспотической в духе Людовика XIV, затем стала монархической и конституционной.

Стоя перед книжным шкафом, протянуть наудачу руку к полке и

прочитать страницу здесь, страницу там — это такое же наслаждение для ума, как чудный полдник детских лет, когда меня посылали с куском хлеба в сад, разрешив полакомиться виноградом в беседке или на шпалерах.

Странные образы возникают иногда неизвестно почему в моей памяти — люди, не игравшие почти никакой роли в моей жизни, а также некоторые позабытые эпизоды или места, — они вереницей пролетают мимо с головокружительной быстротой. Тем, кто, подобно мне, страдает бессонницей, это хорошо известно. Следовало

570 бы всегда иметь под рукой бумагу и карандаш и записывать эти видения: возможно, их уже никогда не увидишь.

До чего же никчемны эти теории и споры! Что значит уничтожить сцены в романе? Сцены неизбежны всегда и всюду, где выведены люди и показаны встречи. Сцены существуют в Библии, в историческом романе «Илиада», в романе нравов «Одиссея». Сцены есть и в «Подражании»,^[16] сплошь состоящем из философских рассуждений. Да, да, побольше сцен! Сцена — смак романа, а он теряется, грозит исчезнуть.

Опять размышляю об Отелло: какая гениальная мысль создать Отелло черным, мулатом, словом, обездоленным! Подлинная, мучительная ревность всегда вызывается безобразием, уродством, неравенством.

Женщина-иностранка — двойная тайна: тайна женщины, тайна языка. Неизвестность вдвойне.

Думаю о художнике Легро; он не знает английского языка, языка своей жены и детей.

Эпизод в духе шекспировской комедии: молодой человек с виду равнодушен и невнимателен к любимой девушке, зато он очарователен с другой, которая ошибается в его чувствах и думает, что любима.

«Ум редко осмеливается быть самим собой»-замечательная строфа, глубокая истина. Отгадайте, кто это сказал? Буало.

Наблюдение, которое я делал не раз: люди, которых я встречал и которые были потом потеряны, забыты, появлялись перед своей смертью, сами приходили ко мне. Так было совсем недавно с В. Д., с которым я давно порвал, а в этом году он снова сблизился с нами; то же и с М. Р., одним из последних министров Наполеона III. И со многими другими!

Иной раз, не уверенный в истинности, оригинальности какой-нибудь идеи, я испытываю ее, примеряю на другом. В литературе нет недостатка в таких примерщиках, подобных манекенам у портных, в людях спесивых, самодовольных, воображающих, что им принадлежит роскошный костюм, который им дали поносить.

Ночью перечитал «Лес» Стэнли и много размышлял на эту тему. Для

него лес — пошлый, мелкий образ жизни, для меня, напротив, лес — замечательная картина неорганизованного мира, хаоса, ожидающего порядка, света: *Fiat lux!*^[17]

Сколько глубины у Бальзака даже в последних его письмах — «Выгодный брак»! Какая драма в каждой строке, в каждом слове, какой урок!

Каким чувствительным механизмом я был, особенно в детстве! По прошествии стольких лет некоторые улицы Нима, где я проходил лишь изредка, темные, прохладные, узкие, благоухающие пряностями, аптекарский магазин, дом дяди Давида, возникают передо мной при смутных, отдаленных ассоциациях с порою дня, с цветом неба, звоном колоколов, запахами лавок.

До чего же я был восприимчив и чуток! Моими впечатлениями, чувствами, такими же яркими, как во сне, можно было бы заполнить горы книг.

Талант — это сгусток жизни, жизни горячей, напряженной. И по мере того, как жизнь идет под уклон, талант, способность чувствовать, сила выражения уменьшаются.

Город шарлатанов, мистификаторов — таким стал Париж.

Острота Боша после его падения: «Как хорошо, что у меня нет памяти, — я перечитываю все написанное мною с неослабным интересом!»

«Малыш идет в школу»... Я неизменно вспоминаю эти прелестные стихи Деборд-Вальмор при виде тяжкого труда неонатуралистов, неосимволистов и т. д., насилующих свои вкусы, свои склонности, — они тоже идут в школу.

Прочел переписку Амперов;^[18] меня поражает, как резко отличаются от нас люди того времени, — мягкость, доброта. И те же академические интриги.

П. поделился со мной очень интересным наблюдением: по его словам, черную краску кладут одинаково и в живописи и в литературе. Толстым ее слоем покрывают полотно или книгу, чернота все заполняет, брызжет в разные стороны, расплзается, будь то масляная краска или чернила.

Современный Наполеон — это Стэнли, путешественник.

Прекрасный конец для романа: два брата разлучаются после женитьбы, один несчастлив в супружестве, другой теряет жену. Пристроив своих детей, они поселяются вместе, как в детстве, и без конца пережевывают воспоминания о том времени, когда были малышами.

Какой все-таки ужас думать, что к самой чистой, нежной радости

примешивается горечь, что нет счастья, обратная сторона которого не внушала бы страха!

Перечитал «Лорензаччо»^[19] и был поражен беспристрастностью этой драмы. Драматическое произведение обращено к толпе, роман — к отдельному человеку; в этом различие их эстетики.

Читаю, перечитываю письма и мемуары XVIII века: «Мемуары» Вижелебрен,^[20] «Письма к мадемуазель Воллан»,^[21] и меня поражает оживающая в них старая Франция, которую я видел у себя, в провинции, где эволюция нравов замедленна, тысячи мелочей, застольные песни и т. д. вплоть до отсутствия бород. Вспоминаю писца и счетовода камаргских виноградарей, которого я встретил в Фонтвьеyle всего три года назад: это был человек до 1789 года.

Наполеону неведома зависть к прошлому. Зато все другие виды зависти ему хорошо знакомы.

Талейран слыл человеком коварным, по примеру тех людей, которые считаются веселыми лишь потому, что их появление вызывает шум. Веселость Монселе: «Ах, ах, вот он, Монселе!» Да, да, лживый, коварный Талейран, с примесью озлобленности, свойственной калекам.

По поводу моментальных снимков: ошибочно запечатлевать скоропреходящее, мимолетное, жест, падение. То же и в области духа — мысли, мелькнувшие с молниеносной быстротой, которые вы хотите анализировать, рассматривать под микроскопом. Ведь преступная мысль может коснуться и честного человека, которому она вовсе не свойственна; такие вещи нельзя принимать в расчет.

Замечаю, что французская нация потеряла свою любезность; это началось в конце царствования Луи-Филиппа, даже в конце Реставрации. Виной тому появление во Франции доллара, денег — жесткость, жадность. А быть может, и проникновение в искусство жизненной правды.

«Как вы торопитесь жить! — сказал мне Г. Д. — В духовном отношении самые деятельные народы Европы отстали от Парижа лет на сорок».

Мой друг англо-американец^[22] не сказал мне всего того, что думал. Да, мы торопимся, мы очень торопимся жить, мы скользим по поверхности, не смотрим в глубь вещей; мы запоем читаем книгу, затрагиваем все темы, обсуждаем, выясняем все вопросы. Но больше всего нам не хватает внимания.

Мираж: для меня это отблеск солнца, принесенный из-за тысячи миль на лоне облака.

За обедом некий провинциал рассказал нам, как он и его братья разбогатели, воспользовавшись мыслью Бальзака о разработке серебряных руд в Сардинии. Я подумал о муках Бальзака, которые он испытывал в поисках богатства, в погоне за ним, о страстных, пламенных письмах писателя, о его разочарованиях.

Поэты и романисты реже обращаются к молодежи, чем критики и историки — эти доктринеры и догматики, которые продолжают поучать ее!

Начиная с 1870 года я постоянно сталкиваюсь с антагонизмом между Парижем и провинцией. Провинциал Трошою ненавидел Париж, а теперь появился еще Л. из Монтелимара, начальник парижской сыскной полиции, который не внушает мне особого доверия.

Рассказать как-нибудь о Париже и о том, чем мы ему обязаны.

Русское сострадание. Еще раз возвращаюсь к нему. Нет, не Соня^[23] олицетворяет для меня человеческое горе и не над ней стал бы я плакать!

Нужна ли для чего-нибудь наша жизнь? Являемся ли мы случайными пассажирами, безвестным грузом судна, идущего к определенной цели? А может быть, все это не так...

Читая Евгению де Герен,^[24] я восклицаю: «Почему бы нам всем не прожить у себя, в своем углу?» Наш ум выиграл бы от этого с точки зрения оригинальности в этимологическом смысле слова, иначе говоря, с точки зрения главной добродетели.

Доблестный солдат, умирающий на окровавленной постели лазарета, открой глаза, приподнимись! Смотри, что прислал тебе великий император: кусок ленты, выкроенной из нашего знамени; приколи его к груди, и ты перестанешь страдать.

Но солдат плачет, и, если вам скажут, что плачет он от радости, не верьте этому — нет отчаяния глубже, чем у него.

Образ политического деятеля, бывшего водевилиста и репортера, ставшего государственным мужем. Он пытается придать себе весу, ходит крошечными шажками, заложив руки за спину, носит серый цилиндр, читает «Журналь де Деба», рассуждает как доктринер, качает головой, выпячивает губы, вздыхает... и набивает карманы камнями из боязни, что ветер подхватит его и унесет.

Жил-был старый, хитрый кот, считавший, что ему известны все виды мышеловок и все способы насаживать кусочки свиного сала для ловли маленьких зверьков. Но фабрикант мышеловок был хитрее кота и доставлял ему много неприятностей. Этого фабриканта звали «Жизнь».

Об одной женщине: я считаю ее визиты по огорчениям, которые она

мне причиняет.

Смех Вольтера, позабытый им в Берлине, отяжелевший там огрубевший, оживает у Генриха Гейне, в музыке Оффенбаха.

Пытаюсь анализировать ощущение холода на сердце, дрожь страха или печали, которая охватывает меня порой зимним утром, когда я сажусь за письменный стол; мутный, желтый свет, огонь гудит в камине, неба не видно.

От этой своеобразной тревоги мне хочется сжаться, спрятаться. Вероятно, она находит на меня оттого, что зимой я привык ставить свои пьесы, печататься, подвергаться критике. А, может быть, в такое утро попросту вспоминаешь, что настало время просмотреть газеты, массу газет, грязнящих тебя, настало время работать, сражаться.

Наши вспышки гнева: все смутно, как во время битвы, адъютанты, обязанные передавать приказы, не делают этого случайно или из трусости; таковы и все наши страстные порывы. Это нам после кажется, что мы действовали в силу того или иного побуждения.

Б. рядом с молодой женщиной, оба заняты собой, только собой и тем впечатлением, которое они производят друг на друга. Они ограждены от всякой неожиданности, и этот странный флирт может долго длиться.

Описать где-нибудь гибель английского судна, разрезанного пополам, потопленного собственным контр-адмиралом вместе с тысячью пятьюстами матросами. Бессмысленное самоубийство, припадок буйства. Поразительный случай, возможный только при непоколебимой дисциплине; рамка — экзотический пейзаж Бенгальского залива.

Как читать романы Гонкуров? Этот вопрос мне задал вполне серьезно один наивный, простой человек.

В постскриптуме к одному из своих писем Бонапарт сравнивает «южную кровь», текущую в его жилах, с бурными водами Роны. Взять вместо эпитафии для моего Наполеона — императора-южанина.

Когда я приезжаю в Шанрозе, где мой Сент-Бев отдыхает, пока я живу в Париже, мне так и чудится, что меня встречает пожилой господин в шелковом колпаке, лысый, ученый, чья содержательная, интересная беседа действует столь благотворно после вздорных сплетен, которые приходится выслушивать всю зиму. И, внимая ему, я невольно сравниваю обе эпохи и нахожу, что во времена Сент-Бева люди, вероятно, не были серьезнее, чем теперь, зато они не так старались казаться серьезными.

Ренан — перипатетик^[25] жизни.

Парижские мосты похожи на людей: они тоже переносят сплетни из одного общества в другое.

Разве прекрасные любовные истории, целомудренные, хорошо написанные, не ценнее книги о философии любви? Ах, наша педантичная молодежь! Никак она не может избавиться от подражания!

В своем «Сродстве душ» Гете находятся под влиянием злых французских романов XVIII века.

Я уже несколько раз чувствовал весь ужас неразберихи, окружающей имя Наполеона.

Рассказать когда-нибудь об умиления, которое охватило меня при виде бело-розовой вершины Юнгфрау, вставшей за поворотом дороги, о чувстве тонком, сладострастном, отнюдь не навеянном литературой. Понимаю, почему дали название девственницы, юной девушки, этой снежной вершине, которой коснулся солнечный луч... спящей девушки, прелестной во сне, — розы и лилии.

Связь между молодежью и нашим поколением нарушена; непонимание, доходящее до ненависти.

Действовать, действовать! Лучше пилить дрова, чем мечтать, по крайней мере, кровь не застоится в жилах.

Как странен роман Байрона и Гвиччоли!^[26] Она воспламенялась при мысли, что глаза всего мира прикованы к ней, к ним обоим, он же все больше уставал и все больше раздражался! Я думаю обо всех знакомых мне последователях Байрона: они все на один лад, все похожи друг на друга. Почему?

Счастье! Когда звезда Наполеона стала закатываться — именно к Наполеону следует обращаться при мысли о любой необыкновенной удаче, взлете, сказочной судьбе, — итак, когда звезда Наполеона стала закатываться, первыми погибли его лучшие военачальники: рок поразил сначала Ланна,^[27] затем Дюрока...^[28] Треск, предшествующий землетрясению, беды — предвестники катастрофы.

Мне кажется, что такова всякая счастливая судьба; она не создается за один день и не может рухнуть внезапно, сразу. Я думаю об этом, видя, как умирают вокруг меня друзья, мои лучшие защитники, самые мужественные. Удар в сердце — похоронный колокол звонит и по мне! Вот почему, быть может, так огорчают меня эти смерти.

Мало говорили о том, что именно у Тэна, у его теорий заимствованы принципы двух великих литературных школ: натурализма и психологического романа. Бальзак и Стендаль.

Тщеславие носят при себе, громоздкое, как мешок с деньгами; гордость, наоборот, носят в себе, — она невидима.

Необходимо бороться против злой воли людей — она подобна обломкам кораблекрушения, зыбким, предательским, которые незаметно пробивают дно вашей лодки.

Запомнить следующее изречение: «Постараемся исправить при помощи литературы зло, причиненное литературой».

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Грохотом громким копыт кругом потрясается поле... (лат.), Вергилий
«Энеида», песнь 8, стих 596.

2

Он ничего не сделал (лат.).

то есть сыновьями Екатерины Медичи и Генриха II — Франциском II, Карлом IX и Генрихом III...династия Бурбонов тоже. — Последние Бурбоны, правившие после реставрации, — Людовик XVIII и Карл X были братьями Людовика XVI.

4

Несуществующего (лат.).

31 октября 1870 года части Национальной гвардии, возмущенные сдачей Бурже и капитуляцией Меца, восстали. Стрелки под командованием Флуранса (1838–1871) арестовали «правительство национальной обороны». Было провозглашено новое правительство, в которое вошел Бланки. Однако «правительство национальной обороны» удержалось и начало преследование участников восстания.

6

Добрая родительница (лат.).

Доде воспользовался ею в романе «Нума Руместан».

Героическое предание. — Это предание Доде упоминает в «Королях в изгнании».

Г-жа Ролан, Жанна-Мари (1754–1793) — политическая деятельница эпохи Французской революции, жена министра внутренних дел жирондистского правительства, вдохновительница антиякобинского заговора жирондистов, в который она вовлекла и своего друга, депутата Конвента Бюзо (1760–1794).

Герцог Луи — Антуан Антенский (1665–1736) — придворный Людовика XIV. О нем рассказывают, что он за одну ночь вырубил аллею каштанов в своем парке только потому, что она не понравилась королю, а в другой раз подпилит деревья в одной из рощ Фонтенебло, чтобы поставленные под ними люди могли в один миг повалить их по сигналу Людовика.

Френология — лженаука, учившая определять характер человека по строению черепа.

Гигес (VII в. до и. э.) — полубогендарный царь Лидии. По преданию, обладал кольцом, которое делало его невидимым.

Гиметский мел — прославляемый многими античными авторами мед пчел с хребта Гимет в Аттике.

Время — деньги (англ.).

Криспи, Франческо (1818–1901) — итальянский революционер, сподвижник Мадзини и Гарибальди, один из видных деятелей объединения Италии.

«Подражание».-Имеется в виду «Подражание Иисусу Христу», мистический трактат Фомы Ксмпийского (ок. 1380–1471).

Да будет свет! (лат.).

то есть великого физика Андре-Мари Ампера (1775–1836) и его сына Жан-Жак-Антуана Ампера (1800–1864), историка и литературоведа.

«Лорензаччо» — драма Альфреда де Мюссе, в которой изображено убийство правителя Флоренции Александра Медичи. Его судьба вызывает у Доде аналогию с судьбой Максимилиана Габсбурга, расстрелянного в Мексике.

Виже-Лебрен, Луиза-Елизавета (1755–1842) — знаменитая художница-портретистка, приближенная Марии-Антуанетты; во время эмиграции объездила многие дворы Европы. Ее мемуары написаны в 1835–1837 годах.

Мадемуазель Воллан — подруга Дидро, которой он написал 553 письма.

знаменитый писатель Генри Джеймс (1843–1916).

Соня — героиня «Преступления и наказания» Достоевского.

Евгения де Герен (1805–1848) — писательница, прославилась своими вышедшими посмертно, в 1855 году, дневником и письмами. Всю жизнь прожила в своем замке близ Альби, откуда выезжала только один раз.

Перипатетики — философская школа учеников Аристотеля. Их название происходит от греческого слова *peripateo* — «гуляю»; возникло оно потому, что Аристотель вел свои беседы с учениками во время прогулок.

Гвичколи, Тереза (1800–1872) — возлюбленная Байрона с 1819 года до его отъезда в Грецию, автор мемуаров о нем.

Ланн, Жан (1769–1809) — маршал, участник большинства походов Наполеона и переворота 18 брюмера; был смертельно ранен в битве при Эслингене.

Дюрок, Кристоф-Мишель (1772–1813) — генерал, доверенное лицо Наполеона. Был убит в Силезии прямым попаданием ядра в тот момент, когда он стоял рядом с императором.